

**Настольная
Книга
Поджигателя**

Кононова Алина

Алина Кононова

Настольная книга поджигателя

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кононова А. В.

Настольная книга поджигателя / А. В. Кононова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Есть мании опасные и не слишком. Пиромания, определённо, относится к опасным. Любому пироману не повезло категорически, он опасен для общества и для себя, и неизвестно, для кого больше. Хотя, если у пиромана есть друзья, разделяющие его страсть, может, и повезло немного. А если есть враги, то не повезло уже им. Это и сборник советов для поджигателей, и история о том, как они пытаются побороть свою страсть и невозможно сказать, что в большей степени. И ещё здесь есть огонь, много огня.

© Кононова А. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
ЧАСТЬ 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ЧАСТЬ 1

За зданием, в котором мы проводили собрания, стоял старый, почти развалившийся деревянный дом. Не знаю, откуда среди бетонных коробок взялся этот реликт и сколько лет он, заброшенный, медленно там разрушался. Да это и не важно. Главное – он там был.

Сколько себя помню, всегда хотел его сжечь.

Знаете, это казалось таким простым. Бензин можно было взять в гараже – там было столько этих канистр, что никто бы и не заметил. Можно было уйти с собрания – это тоже было несложно осуществить. Облить всё вокруг. Вдохнуть резкий запах. Бросить зажённую спичку, вот с чем проблем никогда не возникало: я даже спал в одежде, не выкладывая нескольких коробков из карманов.

Дело было за малым: взять и сделать. А потом стоять у забора, изображая недалёкого зеваку; это я умел. И смотреть. Смотреть на огонь. В этом действии было всё. Оно определяло моё существование. Я был готов. Я невыносимо желал этого.

Скажите, что это неблагоприятно, что кто-то (я) мог пострадать, что меня могли поймать? Вы правы. Точно. Стоило отказаться от этой затеи. Но отказаться было невозможно.

Вы наверняка думаете, что я неправ... Вот что скажу: вы никогда не были в моей шкуре и поэтому не способны что либо понять. Я должен был это сделать, идея мучила меня. Я думал об этом непрерывно: перед сном, на собраниях, за едой. Даже в душе и туалете, чёрт возьми.

И когда я уже сам был готов вспыхнуть, словно порох, пошёл и сделал. В смысле, вечером перетащил к дому две канистры бензина и спрятал в кустах. Подумал ещё, зачем, ведь кроме меня всё равно никто туда не ходил. Ещё зачем-то пересчитал спички, даже, проверяя, зажёт парочку. Подготовил, казалось бы, всё, почти потерял сон от мучительного ожидания. И – опоздал.

Идиот, знаю. Надо было запланировать на несколько дней раньше.

Но я же не знал.

Во все времена, наш новый друг, самым главным был вопрос: с чего начать? Можно мелочиться, поджигая деревья, сараи, даже отдельные предметы, но это скучно. Намного интереснее работать с чем-нибудь побольше, например, с домом.

Предпочтительнее, если этот дом будет стоять немного в стороне от других зданий (если вы, конечно, не собираетесь устроить пожар в районе или в целом городе – об этом в главе 18). По этой же причине лучше выбрать безветренный и не засушливый день/ночь.

Стоит обратить внимание на материал. Проще всего работать с деревом – оно легко воспламеняется, долго и зрелищно горит, оставляет после себя красивое пепелище. Кирпичные дома сложнее поджечь, понадобится больше горючего материала (о них в главе 7). Панельные в нашем государстве встречаются достаточно редко, но, если вы решите поработать с таким домом, придётся организовать несколько очагов пожара, причём минимум один внутри здания.

Остерегайтесь стоять слишком близко, если вы устроили пожар в двух и более этажном доме: при разрушении опорных конструкций вы можете пострадать. Постарайтесь подобрать безопасное место для наблюдения.

Заметить пожар можно по трём признакам: звуку, запаху гари и, конечно, зареву. Запах – резкий, кружащий голову, даже вызывающий тошноту, если дышать долго. Звук – приятный треск; чем сильнее, тем лучше, больше пламени. Но я больше всего любил именно зарево. Это оно отражалось в моих глазах, играло языками огня, колебалось, гипнотизируя. Оно было прекрасно.

Сначала я даже почти винил себя. Думал, мало ли что могло случиться с канистрами, зря я их так рано принёс и бросил. Потом... Потом я уже ничего не думал.

Я видел огонь.

Это чувство – время просто исчезает. За ним мир вокруг, шаги, ветер, всё. Ты остаёшься один.

А потом исчезаешь ты сам.

Кончики пальцев, пальцы, локти и колени, бёдра, плечи, туловище, голова... Наверное, ощущение, как при наркозе. Всё, что остаётся, это способность видеть. Всё, что остаётся – это огонь.

Как хорошо, что тело умеет дышать само. Стоять, не падая. Иметь относительно адекватный вид. Мне не нужно было ничего контролировать; я мог просто смотреть, впитывая, запоминая каждый миг, но всё равно зная, что этого мало. Что скоро – через месяц, неделю, сутки – я захочу ещё. И воспоминаний, даже самых красочных, будет недостаточно.

Об этом стоило думать потом. А тогда я просто не мог отвести взгляд, пока не приехали пожарные на своём красном – как огонь – транспорте и не оттеснили меня в сторону. Я отошёл и вновь тупо смотрел; меня ударили шлангом – я смотрел, на меня кричали – я не слушал и смотрел. Пока не исчез последний видимый лучик пламени, я продолжал смотреть.

И, скажу вам, это было потрясающе.

Когда всё закончилось, я привалился к забору, жадно глотая остатки воздуха с частичками гари. Меня... Это было нечто вроде передоза. Или... Нет, не знаю, как точнее описать. Мне было так хорошо, что дрожали пальцы и подкашивались колени, и я мог только беззвучно смеяться. Со стороны смотрелось глупо и странно, знаю. Но внутри у меня разливался огонь, абсолютный. Я уже не помнил про слишком неожиданное начало пожара и про спрятанные в кустах канистры. Может, и не вспомнил бы, если бы эти кусты – я как раз неподалёку стоял – не затряслись.

Пока я осознавал этот факт затуманенным разумом, приходил в себя и фокусировал взгляд, некто успел вылезти из кустов и быстро отойти подальше от теперь уже пепелища. Шагов через десять он – она, тогда я и понял, что это была она – повернулась и помахала мне рукой. Ещё смутно понимая, что делаю, я помахал в ответ.

Она засмеялась, развернулась и ушла.

Так я встретил Тету.

В остальном день прошёл спокойно. Я опоздал на собрание, дверь за мной, как назло, закрылась со скрипом. Попытавшись – наверное, безуспешно – сделать виноватый вид, я скользнул к месту у окна. Именно туда по двум причинам: во-первых, поблизости не было никого, кто мог бы меня раздражать; во-вторых, если выпрямиться и вытянуть шею, в поле зрения попадало пепелище. Это вызывало приятное послевкусие. Пальцы всё ещё дрожали. Я честно пытался списывать с грифельной доски что-то по теме, кажется, географию, но быстро бросил. Весь остаток собрания я старательно тянул, смотрел на то, что осталось от дома, и улыбался.

Очень ошибочно я думал, что, раз делаю это бесшумно, никто не заметит.

Глупо улыбаться мне оставалось минут двадцать. Потом, когда я одним из последних покидал комнату, меня поймали за плечо.

Ещё до того, как я врезался спиной и затылком – больно, между прочим – в стену, я знал, кто это будет.

За исключением случаев, когда ожоги являются частью желаемого эффекта, Вы будете нуждаться в защите от огня.

Первое, на что необходимо обратить внимание, – защита органов дыхания. Это связано с очисткой вдыхаемого Вами воздуха от вредных примесей (об эффектах отравления продуктами горения – глава 8). Наиболее простым способом является медицинская маска или плотная марлевая повязка. Очень хорошо, если марля будет обильно смочена водой.

Респиратор любой конфигурации также сможет оградить Ваши дыхательные пути от загрязнённого воздуха. Удостоверьтесь, что ознакомились с инструкцией перед его использованием. Мы рекомендуем простые фильтрующие полумаски. Их легче достать, надеть, и они более компактны. Если возникнут проблемы, Вы сможете быстро снять респиратор и выбросить его, а потом использовать новый.

Гамма и её братья-близнецы. Они обступили меня; наши спины образовывали почти идеальный квадрат, вот только за моей была стена. Бежать было некуда.

Первое, что я сделал, решил благоразумно молчать. Говорить должны были они: так было безопаснее.

Гамма смотрела прямо в глаза. Чёрные зрачки, так ярко выделяющиеся на голубой радужке, немного расширены. Крылья расплющенного когда-то в драке носа раздувались: она с трудом сдерживала раздражение. Она стояла так близко, что я чувствовал идущий от её коротких чёрных волос и синего свитера неприятный запах чистящего средства. Да и от её братьев – близнецов Фи и Пси – откровенно говоря, пованивало.

И это говорит парень, от которого на весь коридор несло пожарищем. Ладно, моя вина, признаю. Хотя мне этот запах нравился.

Остальная группа поспешила уйти подальше. Почему? Всё просто – Гамму примерно год назад назначили старшей по курсу. Жёлтая повязка на рукаве и всё такое. Лучшего человека они не могли найти. Гамма была жестока, амбициозна, и власть быстро ударила ей в голову. А потом сама Гамма начала бить головами таких, как я, о стены, пользуясь помощью своих братьев.

Но я отвлёкся. Где мы остановились – на начале наказания? Гамма дышит своим зубным порошком мне в лицо, Фи и Пси синхронно сопят по бокам. Я окружён, я в клетке.

– Ты опоздал, – это скорее походило на смесь шипения и рычания, чем на голос. – Третий раз за неделю!

Тут не отмолчишься. Мозг немедленно выдал стандартную отговорку:

– Мне жаль. Больше не повторится.

– Нет, я знаю, что повторится.

Вот чёрт. Не получилось. Да ладно, можно подумать, я на это надеялся.

– Ты пропускаешь собрания. А если приходишь – не уделяешь внимания материалу. Ты не получаешь необходимых знаний. Ты будешь бесполезен, – в её понимании это было высшим из оскорблений.

Пси и Фи продолжали сопеть. Говорила всегда Гамма. Я удивился бы, если узнал, что они вообще умеют.

– Я наверстаю, обещаю. Точно, – я врал легко. Это было моё слово, я мог сделать с ним всё, что хотел. В том числе, не сдержать.

Гамма поджала губы, повела носом. Я задержал дыхание, будто это могло помочь.

– Чем от тебя так несёт? Будто горелым... Чем ты занимался?

Ох, я ступал на опасную территорию. Теперь нужно было врать осторожно, ведь я всё-таки был не настолько туп. Я понимал, что моё увлечение огнём не самое нормальное, что есть в этом мире. И не самое приемлемое. Мне об этом не говорили, но я как-то сам догадался.

– Тут рядом был пожар, – близко к правде, совсем правда. – Я остался понаблюдать. Дождаться, пока приедут пожарные, убедиться, что всё закончилось хорошо.

В этот раз мне повезло – я угадал. Губы Гаммы разжались.

– Ладно. Но больше не опаздывай, лучше работай, – она вцепилась мне в плечо, сильно тряхнув. – Иначе, придётся тебя наказать.

Я мог только закивать так интенсивно, что голова закружилась.

– Пошли, – Гамма удалилась искать очередную жертву. Близнецы потянулись за ней, на прощание наградив меня двумя тычками по рёбрам. Я так и стоял у стены, пока они не скрылись за поворотом узкого, с низким потолком коридора. Гамма, конечно, шла впереди – синий свитер с высоким воротником, мешковатые брюки, коротко подстриженные волосы. Она выглядела мужественнее многих парней с курса. И ещё была сильнее их, хотя этим я иногда мысленно восхищался и даже завидовал.

Странная она, что и говорить.

Только когда шум шагов немного стих, они не собирались возвращаться, я оторвался от стены и направился прямо в противоположную сторону. Меня привлекала дверь с табличкой «Читальный зал».

Читать я всегда любил. Ещё когда нас учили, лет в пять, вроде бы, – сразу полюбил. Это было... ну, чем-то сродни огню. Моё сознание уносило в другую реальность, где оно и оставалось, пока руки листали страницы. Ещё одна зависимость. Я сам боялся узнать, сколько всего их у меня.

Читать нам не запрещали, по крайней мере, большую часть книг. В наших «планах развития» было время на «самостоятельные занятия» или что-то вроде того, но я кошмарно превышал лимит. Когда нам рассказывали об интегралах, социологии или биологии – я утыкался в книгу. И, да, мне нравилось. За это меня, может, чуть чаще вжимали в стены, чем остальных, но я продолжал. К тому же, мне повезло, мою страсть помогать удовлетворить один человек.

Его звали Дзет. В нашем Доме Собраний он был завхозом, электриком, библиотекарем, ещё кем-то, я даже не мог вспомнить. Ему, кажется, было около сорока, хотя выглядел он моложе. Он был худым, носил длинные, почти до лопаток волосы и очки круглой оправе, всегда ходил в одном и том же сером пиджаке – ничем не выделяющаяся, даже скучная внешность, но я им восхищался. Я думал, что он знает и умеет всё. Я обожал разговаривать с ним, читать книги, которые он мне советовал. И держал он себя со мной здорово: дружелюбно, будто бы между нами не было никакой разницы в возрасте или в жизненном опыте.

Что и говорить, я хотел быть таким, как он.

Он выделял меня из остальных, и мне это чертовски льстило, оправдывая все тычки под рёбра. Он давал мне интересные книги, даже некоторые из запрещённых, угощал настоящим горьким кофе и закрывал глаза, когда я вместо собрания, посвящённого какому-нибудь государственному строю, приходил спать на сдвинутых стульях в читальном зале. Всё это мне безумно нравилось.

В тот день, когда в читалке тоже стоял запах гари, а окно было открыто, я мог не бояться, ведь здесь меня никто бы не унюхал. Я уже пошёл было бродить между полок, когда увидел на столе библиотекаря у входа книгу.

Я уже знал, что найду под ней. Записку с текстом вроде «Думаю, тебе понравится». Так и было.

Это был «Моби Дик», карманная версия в мягком потрёпанном переплёте. На обложке огромный кит атаковал казавшиеся миниатюрными лодки – или они атаковали его? Пока я не знал, но очень хотел узнать. Я бы почитал прямо там, но не было возможности. Следующее собрание надвигалось, а после того, как я провинился перед Гаммой, пропускать его было нельзя.

Поэтому я сунул книгу во внутренний карман куртки и быстро вышел из читалки. Дзета искать не стал, было совсем не до того.

Следующее, что нуждается в защите – Ваши глаза. Если у Вас есть доступ к любым строящимся объектам, постарайтесь достать строительные очки. Лёгкие, полностью прозрачные – они не вызывают лишних вопросов у стражей порядка, почти не ломаются, и их легко отмыть от гари.

Существуют ещё некоторые варианты, например, альпинистские или лётные очки. Найти их труднее, и, если Вас случайно заметят в них, это вызовет больше вопросов. Но они изготавливаются из более качественных материалов. К тому же, лётные очки защищают также область лица вокруг глаз и, благодаря резинке, плотнее прилегают к голове.

Я успел. Готов поклясться, Гамма даже улыбнулась мне – или это была иллюзия? В любом случае, запахнув куртку, я уселся на одно из пустых мест. Преподавателя ещё не было, поэтому можно было не делать вид, что я слушаю. Я откинулся на спинку стула и собирался уже подремать несколько минут, когда увидел её.

Мимо распахнутой двери класса прошла она. Точно, она. Грязные босые ноги, мешковатая кофта, длинные спутанные волосы и блестящий чёрный кофр с фотоаппаратом на шее – самая чистая, наверное, часть. И, что удивило меня больше всего, она специально замедлила шаг, чтобы посмотреть на меня. И улыбнуться.

Наверное, вполне ожидаемым было, что я попытался неловко встать, чтобы подойти к ней, к той девчонке. Но двигало мной кое-что осознанное. У неё был фотоаппарат. Она была на пожаре. Я нутром чуял, что она сделала снимки, и готов был что угодно отдать, чтобы их увидеть, снова почувствовать хотя бы толику того наслаждения.

Но меня опередили.

– Эй, ты, – Гамма, Фи и Пси, все трое поднялись со своих мест и клином двинулись на девчонку. – Куда пошла?! – кричала Гамма. – Где была на предыдущих собраниях?!

Девчонка, на мой взгляд, поступила отличным, но одновременно не очень способом.

Не сказав ни слова, не сделав ни одного лишнего движения, она сорвалась с места и побежала вперёд по коридору. Пока близнецы и Гамма пытались совладать с удивлением, пока роняли стулья, выбегая из комнаты, она успела исчезнуть.

Мои сокурсники тоже с изумлением наблюдали эту сцену. Я – не исключение, но у меня то был свой интерес. Мне нужно было знать, кто она. У неё были фотографии. Я хотел эти фотографии. Проблема осталась одна – как их достать?

Спросить у Гаммы? Нет уж, спасибо.

Поспрашивать у сокурсников? Не очень удачная идея. Хорошие отношения у нас не складывались, хотя и плохими их назвать было нельзя. Мы, конечно, жили и учились вместе, но никогда не были близки. Я не стремился, они тоже. Отсутствие взаимодействия и внимания вполне устраивало всех. Но не будем об этом. Тогда в моей голове билась одна мысль: фото, фото, фотофотофото... Мне нужны эти фото.

Собрание уже началось, но я не обращал внимания на преподавателя. Мой мозг был занят. Я пытался составить нечто вроде плана. К концу занятия, я решил начать искать её на собраниях в соседних группах, только осторожно, не сталкиваясь с Гаммой. К тому же, можно было поискать в общежитии. Не могла же она ночевать на улице! Хотя... Вспомнив её грязную одежду, я уже не был так уверен в этом.

Вернёмся к защите от ожогов. Основное, что следует защищать, – это, конечно, Ваша кожа.

Придётся принять тот факт, что сильные ожоги имеют свойство заживать достаточно долго и оказывать негативное влияние на весь организм (о лечении ожогов – глава 21). Поэтому настоятельно рекомендуется позаботиться о защите тела.

Если Вы не приближаетесь к огню, вполне можно обойтись одеждой из плотной, натуральной ткани, надёжно закрывающей тело (брюки, перчатки, куртка с капюшоном). Дамам стоит собрать волосы в косу или пучок и убедиться, что они не смогут воспламениться даже случайно.

Если же Вы работаете в тесном контакте с огнём, рекомендуем Вам одежду из огнестойкой ткани. Это может быть как материал из особых волокон, так и специальная прорезиненная ткань – последнюю мы рекомендуем особенно, так как она является отличным средством защиты.

Обнаружить такую ткань можно на пожарных участках. Мы полагаем, что при необходимости Вы вполне сможете разработать план того, как её заполнить.

Подремав где-то на заднем плане – мне снились пепелища – я вернулся в общежитие полным сил. Заскочил ненадолго в столовую; моей новой знакомой (знакомой ли?) там не было. Поэтому я наскоро поел (рагу из размякших овощей, котлета и стакан горячего сладкого чая) и отправился бродить по этажам.

После собраний до позднего вечера у нас было свободное время, и кто-то праздно шатающийся – красивое сочетание, прочитал в книжке, уже не помню, в какой – никого не удивлял.

Двери почти во все комнаты были открыты, окна тоже, по старым длинным коридорам с поблёкшими обоями и перегоревшими лампами гулял сквозняк. Я откусывал от стаченного с кухни яблока и заглядывал во все комнаты подряд. Многие были пусты, в некоторых наоборот сидели и общались целые компании. На меня никто не обращал внимания, но я этого и не ждал. Я искал фотографии или эту странную улыбку, и не находил. Я уже жевал черенок и поднимался на последний этаж, начиная разочаровываться в происходящем. Но ближе к концу коридора я начал замедлять шаг. Что-то знакомое притягивало меня, щекотало ноздри... Запах бензина и гари. Он становился всё сильнее, пока я не остановился перед очередной открытой дверью.

Мы жили по двое. Внутри каждой комнаты по стандартной планировке стояли два шкафа, две кровати и два стола со стульями. Мебель ставили одинаково, поэтому комната выглядела, как детская картинка – мажешь краской по листу, складываешь пополам и получаешь симметричные отпечатки.

Внутри никого не было. Я перешагнул через порог, во рту чувствовалась смесь вкусов яблока и гари.

Вычислить нужную кровать оказалось легко: на ней комом лежала одежда, по большей части чёрная. И от неё несло пеплом, пожаром, бензином – всем тем, что я любил. Пахло намного сильнее, чем от меня. Очень притягательно. Слишком.

Я опустил на колени перед кроватью, зарываясь в одежду лицом. Мне плевать было, как я выгляжу и зайдёт ли кто в комнату, – я погряз в эйфории.

Всё вокруг снова перестало существовать.

Не забудьте о безопасной обуви. Предпочтительны сапоги или ботинки на прорезиненной подошве, потому что они комфортны и резина также сохранит Вас от ударов тока.

Не советуем выбирать обувь на высоких каблуках или с неудобной колодкой – на тот случай, если Вам придётся убежать, не суть важно, от пожара или от тех, кто хочет ему помешать. Никаких туфлей или босоножек – не стоит предпочитать комфорт красоте (что, кстати, работает не только на пожарах.)

Через... не знаю, через сколько, я очнулся. Открыл глаза, осмотрелся, залез в ящики стола (по большей части пустые), и в шкаф: та же чёрная одежда, только чистая. Скучно. Фотографий я не нашёл и расстроился, но напоследок решил выглянуть в окно.

Интересно, почему я не подумал об этом раньше? Ума не хватило, наверное. А увидел я тот самый дом.

Точнее, то, что от него осталось.

Пока я стоял, облокотившись на подоконник, до меня медленно доходило. Из этой комнаты – на верхнем этаже, угловая – открывался самый лучший вид на дом. А из моего окна его вообще нельзя было увидеть! Кем бы ни была та девчонка, у неё была прекрасная возможность сначала безопасно изучить цель, а теперь и полюбоваться делом спичек своих.

Я точно завидовал.

Ещё немного подышав гарью, я, пошатываясь, спустился к себе. Сосед, как всегда, был в каком-то музыкальном кружке (читай: собирался с десятком человек в чьей-то комнате и полночи некрасиво пел под гитару), поэтому я захлопнул дверь и прямо в одежде упал на кровать. Достал «Моби Дика», положил под подушку. Вытащил из кармана спички, повертел в руках, погромел коробком – успокаивало. Наконец я-таки вытащил руки из рукавов, сбросил куртку на пол, и, не вставая с кровати, дотянулся до нижнего ящика стола.

Там хранилась моя коллекция. На самом деле, её можно было и не прятать – никого в общежитии не интересовало содержимое чужих ящичков. К тому же, ничего особенно подозрительного там не было. Ну, фотографии пожарищ и просто огня. Даже нашлось странное, но красивое фото нескольких десятков свечей в каком-то старом здании. Вырванные страницы из книг, газетные вырезки, рисунки – все они попадали ко мне разными путями, и все их я хранил.

Убедившись, что дверь закрыта, я позволил себе утонуть в собственных мыслях, глядя на фотографии.

Позже вечером я заснул спокойно. Мне снились звёзды и улыбающиеся люди.

Я проснулся на рассвете.

Штора была немного сдвинута, и свет падал прямо мне на лицо. Закрывшись подушкой и положив голову на книгу, я попытался ещё немного подремать. Подъём был в восемь. Потом душ, завтрак, собрания... Сейчас, судя по Солнцу, было около шести, делать нечего. Только думать.

Ряд ассоциаций – и мои мысли вернулись к тому, что произошло вчера. Дыша в подушку и улыбаясь, я подумал об огне. И о той девчонке, мне стало интересно, где она сейчас. Может, снова поджигает что-то. Я немного позавидовал. Потом подумал, что она могла бы тоже не спать, сидеть на кровати, вдыхать запах горелого и смотреть на пепелище, смотреть и смотреть.

Я наконец понял, как сложно ей, должно быть, живётся. Она видела этот дом – идеальную мишень для поджога – постоянно. Когда приходила в комнату, сидела за столом, занимаясь делами, вставала с кровати или готовилась ко сну. Каждую минуту он был у неё перед глазами. Я же мог увидеть его, только специально пройдя мимо, ну, или из некоторых комнат в Доме Собраний. У неё выбора не было, а я зависел от собственных желаний. Не знаю, что хуже.

Если, к тому же, – эта мысль горела внутри – если она была такой же, как я, это зрелище наверняка было для неё почти пыткой.

Если она такая же, как я. Раньше я не мог и подумать о подобном. Чувства, которые вызывала одна мысль об огне, мне очень нравились, но я понимал, что это не нормально. Что-то во мне было не так. Неправильно. Сломано. Чего я не осознавал, так это того, что кто-то ещё может быть сломан точно так же.

Не осознавал до этого момента.

Под подушкой было жарко. Железная рама кровати неприятно холодила ступни. Мой сосед храпел. Решив не терять времени зря, я сбросил одеяло и опустил ноги на холодный, как каркас кровати, пол.

Душ – в этот ранний час без очереди, пустой и тихий. Переодеться: стандартные, выдаваемые всем на складе брюки, серая майка, носки, ботинки и куртка – моя гордость, случайно

найденная в кладовке общежития. На пару размеров больше, чем нужно, с множеством бездонных карманов, в том числе и потайных. Если бы я захотел, то смог бы уместить в них почти все свои пожитки.

Сегодня левый бок слегка перевешивал – я переложил туда книжку. Полистав страницы, я решил выйти на улицу – там было прохладно и пасмурно – и почитать. Но перед этим не удержался и поднялся наверх – вдруг она была в комнате. Но дверь была заперта. Я подёргал ручку и отошёл: искать здесь явно было нечего. Хотел спуститься вниз, но тут мне на глаза попала дверь чердачного люка.

Забавно, но никогда раньше я не задумывался о существовании чердака в общежитии. Нет, я знал, что он есть, но не думал о нём, не придавал значения этому обстоятельству: не было ни смысла, ни желания.

В то утро он неожиданно появился перед моими глазами. Какое совпадение... Чердачная лестница так и манила, на дверце не было замка, и я подумал – почему бы и нет. К тому же рядом не нашлось никого, кто мог бы мне помешать.

Забравшись наверх, я оказался в полумраке. Впереди было окно, пропускающее тусклый, серый августовский свет, но его заслоняли пыльные штабеля ящиков и коробок. Кажется, сюда годами складывали разное барахло со словами: «Вдруг пригодится, не выбрасывать же».

Медленно и осторожно я начал обходить колонны из коробок, некоторые из которых так и грозились обрушиться. Любопытство сменилось разочарованием: я думал, на чердаке будет светлее, просторнее и чище. В конце концов, мне хотелось найти здесь что-нибудь, хотя я сам не знал, что именно. В принципе, это неважно, ведь больше оставаться на этом кладбище ненужных вещей я был не намерен. Решил напоследок заглянуть в окно, оценить вид и сразу уйти.

Я уже подошёл к окну, такому же пыльному, как и всё здесь, когда за моей спиной раздался хлопок.

Мне он не понравился. Совсем не понравился. В моём воображении пронеслись все сцены из книг, где главного героя где-нибудь запирали и оставляли умирать. Может, я бы и не отказался стать героем книги, но точно не такого рода.

Чудом не сбив ни одной коробки, я бросился назад по своим следам. Мой топот мог разбудить спящих этажом ниже – плевать, нахлынувшая паника не давала мне думать об этом. И думать вообще. Добравшись до люка, я упал на колени и схватился за ручку.

Крышка распахнулась так легко и резко, что я чуть её не уронил.

В этот момент я почувствовал себя ужасно глупым. И паникёром тоже. Нервно рассмеявшись, я уже собрался спуститься, когда захотел осмотреться вокруг.

Первое, что я заметил – следы. То, что я сразу не обратил на них, на отпечатки босых ног в пыли, внимание, только подтверждало мою неразумность. Сами понимаете, о ком я подумал. Я понял, что она была совсем близко, пряталась за коробками, в паре шагов от меня. А я, разумеется, даже предположить не мог.

Вторым открытием стал маленький блестящий предмет, удивительно, но совсем не пыльный. Он лежал неподалёку, наверное, выпал у неё из кармана. Я поднял его, повертел в руках – это был пластиковый контейнер из-под фотоплёнки. В моей голове вспыхнули искры понимания. Сунув футляр в карман, я решительно полез вниз.

Плёнка. Кофр с фотоаппаратом на шее. Следующее звено – фотолаборатория. Одна такая точно была в Доме Собраний, пару раз я даже прятался там от Гаммы и близнецов, пусть и не очень успешно.

До Дома я добрался почти вдвое быстрее обычного. Не бежал, но очень торопился. Надеялся на счастливый случай. По дороге старательно принюхивался, пытаюсь почуять запах гари. Кажется, мне это удалось, но, скорее всего, душок пожара исходил от меня.

Главный вход был ещё закрыт, но я знал, что всегда можно было воспользоваться пожарным – какая ирония. Огибая угол, я вспомнил, что успел мельком увидеть в чердачном окне до того, как захлопнулся люк.

Не догадаетесь? Давайте, это легко.

Конечно, то самое пепелище.

Предлагаем Вам немного теории для ознакомления.

Огонь – есть экзотермический (сопровождающийся выделением тепла) процесс окисления, в результате которого исходные вещества (то, что вы поджигаете), превращаются в продукты сгорания (глава 13). Огонь имеет свойство распространения по имеющимся поблизости горючим материалам (глава 7). Тогда как пожар – это неконтролируемое горение, которое, как говорят, причиняет вред обществу и его имуществу и должно быть запрещено.

Но это всё только пустые слова. Мы с Вами знаем, что пожары – это много больше, чем короткое определение и обещание опасности. Пожар может быть не только источником удовольствия или душевного спокойствия, он часто становится смыслом жизни. Кому, как не нам, это понимать.

Фотолаборатория находилась на втором этаже. Я уже забыл, какая дверь вела туда, пришлось вычислять методом проб и ошибок. Она оказалась не заперта; впрочем, ничего другого ожидать и не приходилось. У нас очень редко запирали двери, в этом не было смысла. Никому в голову не приходило закрываться или наоборот, пробираться в запрещённые места. Ну... обычно.

Я вошёл, обратив внимание на массивную щеколду с внутренней стороны – кажется, раньше её там не было. Потом перевёл взгляд на плотные шторы; на две лампочки, обычную и красную, раздутую, как апельсин; на четыре сдвинутых в центр комнаты стола и стеллажи у стены.

Но кроме меня никого внутри не было. Разочарованно вздохнув, я принялся обходить столы. Пусть я не встретил, кого хотел, не стоило сдаваться. Мне пришло в голову, что здесь могли бы быть те самые фотографии. В ящиках столов, на полках, где угодно. Никто же не мешал мне искать...

Я потянул на себя ручку первого ящика, когда дверь открылась.

Первой моей мыслью... Ладно, первой было: «Надо закрывать дверь, тупое существо! Теперь Гамма точно сломает тебе что-нибудь!» Дальше мысли разделились. Некоторые надеялись на появление на пороге босоногой с уже отпечатанными фотографиями в руках. Другие подсказывали объяснения того, почему я нахожусь здесь в такую рань. Все они оказались совершенно не нужны.

На пороге стоял Дзет.

Сегодня он накинул белый халат поверх пиджака, а излишне длинные волосы (Гамму они всегда возмущали) стянул резинкой на затылке. Как всегда, у него под глазами залежали круги, а скулы остро выделялись на коже – будто он почти не спал. И он смотрел на меня с явным удивлением. А я точно так же на него. Я, конечно, мог предположить, что он пришёл открыть Дом и немного убраться; сам же Дзет, наверное, не мог предположить ничего.

– Что ты здесь делаешь, Альф?

– Я... ищу кое-кого, – ничего более умного в мою голову не пришло.

– Кого же? – он склонил голову на бок. Стёкла очков блеснули в луче света, бывшего сквозь щель в шторах.

А что я? Что мне было терять? К тому же, я верил Дзету.

– Одну девушку. Она... любит фотографировать. Ещё ходит босиком и не ходит на собрания... Не всегда ходит, – я выдал почти всю информацию, которая у меня была. – Звучит глупо, но я не знаю её имени.

Пару секунд Дзет стоял молча. Потом повернул голову, глядя мне в глаза, и ответил:

– Кажется, я понял, о ком ты говоришь. Она очень любит огонь.

Огонь... Кодовое слово, ключ от шифра, сигнал. В моей голове что-то вспыхнуло, я подался к нему, наткнулся на стол, сжал в кармане футляр от плёнки.

– Да?! В смысле, я знаю... А как?..

– Как её зовут? – на лице Дзета появилась улыбка, и это меня успокоило. – Тета. Могу вас познакомить.

– Отлично! – это было лучше, чем отлично. Я надеялся, что у неё были фотографии, много фотографий. И хотел, чтобы она отдала их мне.

– Приходи сюда сегодня, после собраний. Я думаю, тебе понравится.

– Отлично, – повторил я. Я тоже так думал.

– А та книга, – Дзет открыл дверь за своей спиной. – Ты ещё не читал её?

– Нет, как раз собирался...

– Тогда пойдём в читалку. Посидишь там в тишине.

Я с готовностью закивал. Это предложение мне тоже невероятно нравилось.

До назначенного времени нужно было прождать пять отдельных собраний, обед и одну пятиминутку. Я и так не отличался терпением, особенно когда нам рассказывали что-нибудь скучное, вроде математики, но в тот день просто извёлся. О таком я тоже читал. Когда ты чего-то сильно ждёшь, время растягивается, и стрелки часов прилипают к циферблату.

Когда нам выдали обед, я проглотил его, не чувствуя вкуса. И всё это время я бездумно обводил столовую взглядом. Её – Теты – видно не было. Потом я пошёл побродить по двору. Гамма бросила на меня подозрительный взгляд, но ничего не сказала, я ведь пришёл на все собрания и даже делал вид, что слушаю. Придаться было просто не к чему.

Во время обеда я всё ещё старательно высматривал Тету, но её нигде не было. Наверное, не хотела попадаться на глаза Гамме.

Я отлично её понимал.

Оставалось ещё одно собрание. Уже не помню: язык, география или ещё что-то, неважно. Я не думал об этом, потому что ещё на улице, возвращаясь после обеда, заметил слабый красный свет, пробивающийся из окна фотолаборатории. Хорошо, что день снова был пасмурным, иначе я не увидел бы ничего.

Любопытство, терзавшее меня с утра, переполнило голову. Я прошёл мимо нашей комнаты для занятий и двинулся к лестнице. Если бы меня тогда спросили про Гамму... Я мог бы и не вспомнить, кто это. Мир остался где-то далеко позади.

Конечно, мне сказали прийти в конце дня, но никто ведь не запрещал сделать это раньше? «Всё, что не запрещено – разрешено», – я прочитал это где-то и смог запомнить. Поэтому, ведомый любопытством, даже не думая о том, как меня встретят, я подошёл к двери и потянул за ручку.

О щеколде я тоже не вспомнил. Но дверь открылась.

Будто, меня там ждали.

Возможно, Вы этого не знали, но пламя может быть не только оранжевым. Точнее, не только оранжевым, жёлтым, белым и синеватым, каким мы привыкли его видеть.

Цвет пламени зависит от вещества, которое горит. Так кальций и литий имеют обыкновенно гореть насыщенным красным пламенем. Вода в атмосфере горит бледно-фиолетовым, а селен – синим. Если вам хочется понаблюдать необычный зелёный огонь – подожгите сурьму, медь, барий или фосфор. И наконец, калий горит очень красивым фиолетово-розовым.

Достав необходимые химические реактивы, Вы можете поэкспериментировать, чтобы полюбоваться различным цветом пламени.

Красный свет резал глаза. Сначала я даже ослеп, зажмурился и только через пару секунд приоткрыл веки, чтобы не узнать лабораторию.

От одной красной лампочки комната стала выглядеть по-другому. Все предметы окружал алый ореол, в углах стоял бордовый мрак, а шторы будто горели. Пожар без пожара. Красиво было настолько, что я с глупым восхищённым видом замер на пороге, пока из ступора меня не вывел голос. Насмешливый женский голос, мне и казалось, что говорить она будет именно так.

– Заходи, раз пришёл. Только закрой дверь. Свет может всё испортить.

В моей голове не было и мысли о том, чтобы переспросить или не согласиться. Я шагнул внутрь, хлопнув дверью.

– Ты не заперла её. Опять. А если бы Гамма решила проверить, чем мы тут занимаемся? – это был другой, мужской голос. Я повернулся на звук, вглядываясь в красный полумрак.

Рёбра немедленно заныли, напоминая.

Понятно, почему я не узнал его сразу, по голосу. Совсем недавно я думал, что он даже не умеет разговаривать! Но увидев лицо, я понял, кто стоит слишком близко, сразу. Это не было сложно – мы очень часто виделись.

Это был Пси. Или Фи – различать их я не умел.

– Вот чёрт, – только и выдохнул я, не зная, пытаться ли мне закрыть чувствительные места или просто выскочить из комнаты. А он всего лишь продолжал говорить.

– Надейся, чтобы мой братец и Гамма не узнали, чем мы тут занимаемся. Нам нужно быть осторожнее, ещё осторожнее.

– Заткнись, Пси, – ну вот, теперь я хотя бы знал, кто это из них. – Всё нормально.

Раздался плеск – Тета достала из кюветы с водой? реагентом? листок и переложила его в соседнюю. Потом повернулась ко мне:

– Я Тета.

– Я знаю. Я Альф.

Подозрительно поглядывая на Пси – я всё ещё не понимал, что он здесь делает – я двинулся в сторону фотографий. Несколько из них, блестящие от воды, висели на прищепках на верёвке, протянутой вдоль стеллажей.

– Я рада, – ответила она, глядя на секундомер, лежащий на столе. Кажется, она правда была рада, но я об этом не думал, меня занимало другое. – А если его сестрёнка зайдёт сюда, то мы занимаемся делами фотокружка. Рутинка.

– Она увидит, что мы прогуливаем собрания. И тебя. Ты у неё на очень плохом счету, чтоб ты знала.

Они говорили что-то ещё, но я уже не слушал. Я добрался до фотографий.

Они были чёрно-белыми, все они. И на всех было пепелище. С разных ракурсов, с разным освещением, но оно и только оно. Пара балок, торчащих из земли, остатки стен, чёрный пепел везде. Всё, что осталось.

Глядя на них, я вернулся туда. Я снова видел огонь, пожирающий дерево, я чувствовал запах гари и слышал треск рушившейся крыши. Не знаю, сколько бы я простоял там, если бы меня несколько раз грубо не окликнули.

– Эй, ты! – наверное, Пси научился этому у своей сестры. – А ты как собираешься перед ней объясняться?

– Не знаю, – недовольно ответил я. – А ты? Что Гамма скажет, не увидев на собрании тебя?

Это была провокация. Я немного злился за то, что он оторвал меня от фото. Но всё-таки мне было интересно.

К моему удивлению Пси посмотрел на меня мрачно, но беззлобно. Взъерошил волосы – такие же чёрные, как у Гаммы, неровно подстриженными прядями падающие на лоб, и ответил:

– Мы с братом по очереди патрулируем коридоры. Ищем тех, кто отлынивает, следим, чтобы всё было в порядке. Её идея. Я договорился с Фи, и почти всегда занимаюсь этим сам.

– То есть, сидишь здесь?

– Да, – он поморщился. – Гамма ничего не знает. Я не хотел её обманывать, но она сама...

Я мог только кивать в ответ на этот неожиданный порыв откровения. А ведь правда, я никогда не обращал внимания на то, оба ли близнеца сидят на собраниях. Гамму я мог увидеть всегда, в первом ряду, с безупречно прямой спиной, но не её братьев.

– Идеальная маскировка, – вырвалось у меня. – Никто не обращает внимания.

– Не говори...

Больше он ничего не сказал, отвернувшись. Я мог вернуться к фотографиям, но на этот раз меня отвлекла Тета.

– Ты хочешь увидеть остальные фотографии? – она смотрела прямо в глаза и улыбалась.

С растрёпанными волосами, расширенными зрачками, щипцами в руке, она скорее пугала. – Я знаю, ты хочешь увидеть остальные фотографии.

Конечно, она знала. Что важнее, она понимала, почему.

Поэтому я просто ответил:

– Да, хочу.

Тета торжествующе щёлкнула щипцами и вернулась к кюветам.

– Подожди, я почти закончила.

Я кивнул, пододвинул к себе ближайший табурет, достал из кармана книгу. Красный свет был не самым удобным для чтения, но различать буквы было можно. Я мог бы вернуться к снимкам пепелища, но решил потерпеть. Немного успокоиться, чтобы потом удовольствие было полнее.

Пси наклонился (я с трудом сдержал порыв отстраниться), чтобы рассмотреть обложку и спросил:

– Дзет дал? – я кивнул. – Понятно. Он всем нам даёт книги.

– Всем?

– Всем троим, – сказал он, но взглянул на меня и поправился. – Четверым.

– Я, этот маленький параноик, Стигма и теперь ещё и ты, – добавила Тета. – Ты ведь теперь с нами, да?

– А будет огонь? – спросил я. Это было единственное, что имело значение.

– Конечно, – Тета подняла щипцы к потолку, красной лампе и сохнувшему фотографиям. – Будет огонь!

– Много огня, – с явным удовольствием в голосе добавил Пси.

– Тогда, какие могут быть вопросы? Я с вами.

Мне и в голову не приходило, что можно ответить по-другому. Подумать по-другому.

– Тогда, нас точно четверо. И Дзет с нами, – сказала Тета. Она всё ещё улыбалась. Я подумал, что она из тех странных и, возможно, ненормальных людей, которые улыбаются всегда.

Это было немного пугающе, но к этому можно было привыкнуть.

Говоря о физических свойствах горения, нельзя не упомянуть два его типа. Медленное горение (дефлаграция, если вам интересен термин) и детонационное горение, иными словами – детонация.

Тип, который обычно привлекает нас – это медленное горение, которое возможно контролировать и легко и приятно наблюдать. Но когда речь зайдёт о детонации, обязательно будьте осторожны! Напоминаем, что при этом явлении огонь распространяется с сверхзву-

ковой скоростью, что делает наблюдение опасным. Кроме того, обязательно наличествует ударная волна, которая также несёт разрушение.

Мы рекомендуем Вам не поджигать вещества, имеющие возможность детонировать, чтобы обезопасить себя. Более подробно о таких веществах будет рассказано в следующих главах.

В тот день мы остались втроём. Стигма, кем бы она ни была, не смогла прийти, но меня это вполне устраивало. Я спокойно читал «Моби Дика», смотрел, как Тета проявляет фотографии – плеск реагентов, шорох бумаги, красные блики на щипцах – и бросал редкие взгляды на Пси. Тот, кажется, дремал, обмякнув на столе. Но стоило прозвучать сигналу об окончании собрания, он сразу вскочил и, не сказав ни слова, вышел из комнаты.

Я мысленно посочувствовал тому, кого он сегодня наградит ударом под рёбра.

Я остался один на один с девчонкой, сжимающей в руках металлические щипцы и постоянно улыбающейся. Это... напрягало. Поэтому когда снова хлопнула дверь, и вошёл Дзет, я не сдержал облегчённого вздоха. Оставалось только надеяться, что никто не услышал его.

Дзет посмотрел на меня и тоже улыбнулся – довольно, очень довольно.

– Я так и думал, что ты придёшь раньше. Что ты не сдержишься, – он хлопнул в ладоши, звук утонул в красном свете. – Видишь, я не ошибся.

Мне это показалось самой лучшей похвалой, а Дзет уже повернулся к Тете.

– Фотографии?

– Почти, – махнула щипцами она. – Ещё совсем чуть-чуть.

– Отлично, – он вернулся ко мне, я даже не успел перевернуть страницу. – Со всеми познакомился?

– Почти. Правда, я хотел сказать, – я замялся, не зная, стоит ли продолжать, но Дзет понимающе кивнул. – А Пси, он...

– То, что он брат Гаммы? – я тоже кивнул, он снова понял меня с полуслова. Это восхищало. – Не обращай на это внимания. Я точно знаю, он не расскажет ей ничего.

– Хорошо, я просто...

– Можете посмотреть! – я резко повернулся. Тета держала в руках стопку снимков.

Это было очень вовремя, потому что я не знал, что говорить дальше. Я слишком привык воспринимать близнецов как нечто враждебное и чужеродное, вроде Гаммы. Отвыкнуть так сразу было непросто, но раз ему верил Дзет, то и мне стоило тоже.

Я мог ещё долго думать об этом, но тогда всё моё внимание захватили фотографии, те самые фотографии. Не медля, я захлопнул книгу.

В отличие от остальных, на которых было пепелище, эти оказались цветными. И я сразу понял, почему именно они. На них был огонь.

Пламя на фоне серого неба. Пламя, пожирающее дом. Пламя – красное, оранжевое, жёлтое, почти золотое. Пламя – везде.

Кажется, я не дышал, рассматривая их. И рядом со мной не дышала Тета. Мы перебирали ещё влажные снимки, передавали их друг другу, молча, даже... благоговейно. Я мог бы заниматься этим долго, очень долго, если не вечно, но всего после пары десятков кадров они закончились. Я поднял голову и обиженно спросил:

– Всё?

Тета кивнула.

– У нас мало цветной плёнки, приходится экономить. А на чёрно-белой это тоже красиво, но...

– Но не так, – закончил я. Огонь застыл на фотографиях в моих ладонях.

Дзет откашлялся за нашими спинами. Сжимая снимки, мы синхронно повернулись к нему. Пока мы были захвачены зрелищем, он выключил красную лампу, и всё вокруг показалось мне слишком бледным.

– Мы достанем ещё плёнки, – произнёс он. – Обязательно. – И ему нельзя было не верить. – Было бы неплохо, – ответила Тета. – Мои запасы заканчиваются уже.

Я только кивнул. Дверь снова хлопнула – вернулся Пси. Он пробурчал что-то по поводу задвижки и подошёл к нам.

– Стигму не видел? – спросила Тета. Он помотал головой, вытаскивая у неё из рук фотографии. – Давайте тогда подождём её немного.

А сейчас, Дорогой Читатель, давайте заглянем в Вашу сумку. Есть вещи, которые каждому поджигателю необходимо иметь с собой.

Конечно, это предметы, способные обеспечить вашу безопасность (их мы рассмотрели в ранних главах). Респиратор, очки и перчатки – всё это отлично помещается в сумку среднего размера.

Кроме того, Вам определённо необходима горючая жидкость. Самой распространённой, безусловно, является бензин (больше о горючих жидкостях в главе 7). Небольшая канистра или даже бутылка так же хорошо поместится в сумку, к тому же, её не слишком тяжело нести.

Также советуем всегда иметь с собой несколько зажигалок и коробок спичек – на тот случай, если зажигалки не сработают. Это – наиболее лёгкие и распространённые способы развести огонь. Заметим, что спички и зажигалка сами по себе обычно не вызывают подозрений. К сожалению, такого нельзя сказать о случаях, когда их находят в одной сумке с канистрой бензина.

Добавьте несколько полезных мелочей, например, фонарик и бутылку чистой воды. Также рекомендуем держать при себе марлю и мазь от ожогов на случай непредвиденной травмы.

Мы прождали минут сорок. Я читал, Пси перебирал фото, а Дзет и Тета убирали реактивы. Когда солнце за облаками начало клониться к горизонту, Дзет хлопнул в ладоши.

– Она не придёт, раз не смогла до сих пор.

– Спланируем без неё?

– Придётся, – Дзет достал из ящика стола свёрнутый лист бумаги. Карту. Карту города, исчерченную разноцветными чернилами: линии, точки, кляксы ложились на дома и улицы, оставляя новый, непонятный рисунок, на полях была написаны непонятные значки. Я засмотрелся на неё, пытаюсь угадать, что конкретно мы будем делать.

– Вы уже выбрали следующее место? – сказал Пси, откладывая фото и подходя к нам. Я закрыл книгу.

– Место для поджога, так? – я не мог просто подождать, пока мне бы всё объяснили. Любопытство рвалось на свободу и требовало информацию прямо сейчас.

– Именно его, – ответил Дзет, расправляя сгибы карты. – Надеюсь, ты будешь в этом поучаствовать.

– А я могу отказаться? – это прозвучало очень удивлённо. Чтобы я и отказался от поджога? Да вы шутите.

К моему удивлению Пси кинул на меня взгляд полный одобрения. Это было... очень странно. Я и не предполагал, что он может так смотреть, на самом деле.

Дзет же мне улыбнулся.

– Это может быть опасно. И это незаконно, хотя, думаю, ты и так знаешь.

– Тогда у меня тоже есть вопрос, – мне уже стало просто интересно. – Почему вы этим занимаетесь?

Вы ведь помните, что есть сотни причин для того, чтобы ничего НЕ поджечь. Я ждал долгих объяснений, но Дзет ответил коротко:

– Потому что я могу. И потому что мы хотим.

Этого и обещания огня было более чем достаточно. И если до этого в моём сознании и скользили какие-то мысли о реальной опасности и возможности попасться, они исчезли без следа.

Говоря о самой сумке: помните, она должна быть из плотной, непрозрачной и хорошо стирающейся ткани. Фасон не критичен главное, чтобы её удобно было нести.

Плотной (и желательна хорошо сшитой), чтобы не порваться и не подвести Вас при случае. Вы же не желаете неожиданно потерять всё необходимое?

Непрозрачной, чтобы никто, кроме Вас и Ваших товарищей не смог увидеть содержимое. Вам же не хочется объяснять необходимость ношения с собой горючей жидкости и респиратора?

Легко стирающейся, чтобы избавиться от запаха гари, способного привлечь ненужное внимание.

Мы рекомендуем чёрные или серые сумки, на которых хуже видны пятна пепла.

В общежитие я вернулся в непривычно хорошем настроении. Ужин, переполненный душ, тёмная комната – оно не ухудшилось до ночи. В книге в кармане куртки лежала фотография. Та самая, цветная, одна из немногих. Дзет остановил меня после собрания и протянул её. Я не смог отказаться, это мне и в голову не пришло.

Соседа в комнате не было. С другой стороны коридора доносилось нестройное пение под гитару, растущая луна светила в окно. Я закрыл дверь, отрезая все звуки, и лёг на кровать. Достал снимок.

Жар огня опалил мне ресницы. По телу разлилось обжигающее тепло.

Через три дня мы собрали стандартный набор поджигателя. Канистры с бензином, спички, несколько зажигалок, плотные перчатки. Этого было более чем достаточно. Из шкафа в лаборатории мы взяли одежду: стандартные чёрные штаны, ботинки и свободные куртки, всё на несколько размеров больше, чтобы натянуть это поверх обычной одежды. Свою любимую куртку мне пришлось снять – сразу почувствовал себя беззащитным. Тела были спрятаны под мешковатой одеждой, волосы под капюшонами, даже Тета натянула носки и ботинки. Мы четверо превратились в компанию безликих близнецов.

Всех это вполне устраивало.

Дзет с нами не пошёл, четвёртой стала Стигма. Но и она закрыла чёрной одеждой свой бордовый свитер и связку амулетов на шее – странных, незнакомых мне металлических символов, не меньше шести штук на перепутавшихся шнурках. Единственное, что она оставила: тёмные волосы, которые постоянно свисали на её лицо, закрывая глаза.

Я так и не понял, как она могла нормально видеть.

Мы вышли почти ночью. После комендантского часа улицы были пусты, а фонари почти не горели. Мы были похожи на четвёрку рабочих, задержавшихся на смене. Или на компанию ночных демонов, о них я тоже читал.

Стигма шла чуть впереди, мы, растянувшись в линию, старались не отставать. Ходила она быстро, говорила и жестикировала тоже. Я ещё не успел привыкнуть. Мне она казалась резкой и немного злой, может, именно такой она и была. Я пока не знал, как о ней думать, но это было неважно.

Мы добрались до места.

Здание перед нами не казалось таким уж заброшенным. Разбитые окна, дверь, покачивающаяся от лёгкого ветра, но больше ничего не выдавало запустения. Но долго рассматривать его я не стал, потому что почувствовал запах бензина – кто-то открыл канистру. И всё перестало иметь значение.

– До других домов далеко. Это хорошо, – сказала Стигма. Её голос был глухим, жёстким, из-за него она чем-то напоминала мне Гамму.

После никто из нас не проронил ни слова. Мы, познакомившиеся совсем недавно, действовали удивительно слаженно. Пси открывал канистры, мы со Стигмой разливали бензин, я старался вдохнуть как можно больше этого запаха. Тета настраивала фотоаппарат.

Когда с приготовлениями было закончено, Стигма сломала три спички. С одной целой спрятала их в кулаке и протянула нам.

Как я понял, того, кто зажигает огонь, всегда выбирал жребий. Это было честно, но я ни на что не надеялся. Конечно, я очень этого хотел, и думал об этом, я...

Я вытянул целую спичку.

Тета присвистнула. Пси шикнул на неё.

Блестящая дорожка бензина тянулась в темноте от угла дома к нам.

Пси убрал в рюкзаки пустые канистры. Стигма скрестила руки на груди, Тета подняла фотоаппарат. Все были готовы.

Я чиркнул своей счастливой спичкой о ноготь. И бросил её в бензин.

Что было дальше... Хорошо, если бы я помнил.

В моей голове сохранились только обрывки. Помню, как Стигма стояла молча, не двигаясь, кажется, даже не дыша, будто статуя.

Помню, что Пси вцепился в неё и меня одновременно. У меня на локте остался след его пальцев. И помню, как кто-то рядом тяжело дышал. Возможно, он, возможно, я.

Помню, как Тета сначала щёлкала фотоаппаратом, а потом, видимо, истратив всю плёнку, села на землю и смотрела.

Себя я не помню. Помню огонь.

Он пожирал здание, жадно хрустя балками и перегородками. Он обрушил дверь и оконные рамы, расплавил остатки стекла. Он разливался пятном серого дыма в ночном небе, закрывал месяц и звёзды. Он вырывался из пустых теперь окон и обдавал жаром наши лица.

А потом я помню свист.

Крики. Пси тянет меня и Стигму за руки. Тета вскакивает, натягивает на голову капюшон. Я не хочу уходить, не хочу отрываться от огня, но нет другого выхода. Мы бежим, задыхаясь. Бежим в темноту, неизвестно куда, спасаясь от неизвестно чего. Были ли вообще шаги за нашими спинами? Возможно, не знаю. Я видел только неясные пятна мостовой под ногами и редкие жёлтые вспышки работающих фонарей. Помню исчезающий треск огня и то, что нас всех уверенно вёл вперёд Пси, что именно он выбирал дорогу.

Мы забежали в какую-то подворотню и остановились, тяжело дыша. Было темно, я различал блеск объектива камеры Теты и амулеты под распахнувшейся курткой Стигмы.

Пару секунд мы стояли, пытаясь отдышаться. А потом Тета, сняла респиратор, рассмеялась и обняла меня и Стигму.

Не знаю, сколько это длилось. Мы улыбались, всхлипывали от смеха, я уткнулся лбом в плечо Пси, а губы Теты коснулись моей щеки. Мы стояли так, вместе, и это было прекрасное чувство. В ту ночь нас объединил огонь.

И от наших тел так приятно пахло гарью.

ЧАСТЬ 2

Я не знаю, как соседка Теты терпела постоянный запах гари в комнате. Он не исчезал никогда, шёл от одежды, которую Тета стирала раз в пару месяцев, от её кровати, даже от книг и фотоаппарата, спрятанного под кроватью. От всей её половины комнаты, кроме стола, которым Тета не пользовалась вообще, поэтому её соседка извлекла хоть какую-то пользу, заняв оба.

А я бы не сказал, что мне не нравился этот запах. Скорее наоборот.

Мы с Тетой сидели на её кровати и смотрели последние снимки, тайно вынесенные из лаборатории. Дзет настаивал, чтобы большую часть вещей, связанных с поджогами, мы хранили именно там. Поэтому чтобы уединиться с фото приходилось красть их ненадолго.

Удивительно, но в тот день Тета вымыла свои длинные волосы, переделалась и счистила грязь со ступней – они были почти белыми. Я впервые понял, что тёмная полоса у её рта это не грязь, а шрам, причём не слишком старый. Он и создавал впечатление постоянной улыбки. Или просто усиливал его.

– Смотри, вот тут хорошо получилось, – говорила она мне, и я смотрел на языки пламени, вырывающиеся из оконной рамы. – А эта смазанная, я случайно щёлкнула, когда мы уже убегали. Весело было!

– Часто вас так ловят? – спросил я, глядя на размытое красно-оранжевое пятно на тёмном фоне.

– Ловят никогда. Иногда пытаются, но не могут. Как в прошлый раз, – она откинула голову назад, мечтательно глядя в потолок. – Это бесполезно. Им никогда не поймать никого из нас.

– Понятно, – я взял следующую фотографию. На ней был я сам с горящей спичкой в руке, черты лица, подсвеченного снизу, казались искажёнными. Стигма и Пси стояли за моей спиной, и все смотрели на маленький огонёк.

– А ты неплохо вышел, – сказала Тета. Я только усмехнулся.

К сожалению, фото снова быстро кончились. Тета перетасовала их и взглянула мне в глаза. Она улыбалась, а я уже не понимал, правда это или эффект от шрама.

– Могу я попросить тебя кое-о-чём? – вкрадчиво спросила она. Я кивнул. – Можешь вернуть их в лабораторию? Я бы ходила сама, но я не спала всю ночь, и...

Ей было трудно отказать, она правда выглядела устало – на чистом лице были ясно видны синяки, залегшие под глазами. И я всё равно хотел прогуляться: время клонилось к закату, погода была хорошая. Кроме того, Тета всё ещё смотрела мне в глаза, улыбаясь.

Поэтому я снова кивнул и забрал фотографии.

До Дома Собраний я дошёл быстро. Комендантский час приближался, на улице уже не было прохожих, зажглись несколько фонарей, и моя тень обгоняла меня по асфальту. Все двери Дома были открыты, и я спокойно вошёл. В пустых коридорах громко отдавались чьи-то шаги, поэтому я постарался дойти до лаборатории как можно быстрее. Не хотелось никого встречать, но всё равно пришлось.

Когда совсем близко неожиданно хлопнула дверь, я успел метнуться к ближайшему окну и спрятаться за штору. Она была непрозрачной и слишком длинной – край лежал на полу, закрывая мои ботинки. Но ещё она была очень-очень пыльной, мне сразу захотелось чихнуть так сильно, что пришлось зажать себе рот. Шаги раздались совсем близко, и я осторожно выглянул в небольшую дырку, так удачно расположенную на уровне моих глаз. Удивительно, но это не была Гамма.

Я не знал эту женщину. У неё было маленькое лицо с острым подбородком и узкими глазами, очень необычное. Я бы точно запомнил её, если бы увидел раньше. Она подошла ещё

ближе, и я удивился особенно – она была в юбке. Или в платье, увидеть в полутёмном коридоре точнее было сложно.

Я не видел женщин в юбках... Сам не знаю, сколько. У нас все предпочитали простую, удобную одежду – брюки или шорты, если было жарко. Когда-то девушки надевали юбки на торжества, но уже несколько лет как перестали это делать. Слишком некомфортно. Я пару раз слышал, как мои сокурсницы жалуются, что ткань путается между ног, и вообще в юбке легко замёрзнуть.

Пока я удивлялся, она свернула на лестницу, не заметив меня. Я выбрался из-за портьеры и, всё же сдержав чих, побежал к лаборатории. Я всё ещё не хотел встречаться с Гаммой. И почему мысль о том, что она должна быть в Доме, не пришла мне в голову, когда я говорил с Тетой?

Дверь была открыта, свет внутри погашен, но на столе стояла чашка с чаем. Дзет, кажется, вышел куда-то. Тем лучше было для меня, потому что последнее, чего я хотел, это объяснять ему, откуда принёс фотографии. Я быстро сунул фото в ящик стола и бросился назад. Слишком легко. Конечно, так легко быть не могло, потому что в коридоре я сразу столкнулся с Гаммой.

Всё было как обычно – стена за моей спиной, её рука на плече и близнецы по бокам.

– И что ты тут делаешь так поздно? – подозрительно спросила она, дыша чем-то противным мне в лицо.

– Я относил снимки в фотоклуб, – совсем не соврал я. Гамма недовольно хмыкнула. Пси – я уже научился отличать его от брата – вопросительно изогнул бровь.

– Мне просто нужно было оставить их Дзету, – добавил я, надеясь, что меня быстро отпустят. – Ничего больше.

Пару секунд Гамма буравила меня взглядом. Потом хватка на плече разжалась.

– Иди уже в общежитие, – бросила она, отворачиваясь. Фи снова ударил меня под рёбра, Пси тоже, правда, намного слабее, и посмотрел почти сочувственно. Мне тоже было его жалко, иметь такую сестру... Я бы лучше вообще не родился.

Выбежав из Дома Собраний, я решил не подчиняться Гамме. Спать мне всё равно не хотелось, к тому же, настроение было испорчено встречей, его срочно нужно было восстановить. Поблизости было то самое пепелище, с которого всё началось, и я решил сходить туда. Пепел всегда успокаивал меня.

Как выяснилось, не меня одного. Уже на подходе я заметил красное пятно среди чёрных остатков. Яркий свитер, длинные волосы, закрывающие лицо...

Кроме меня прогуляться этим вечером по пепелищу решила Стигма.

Я заметил её первым. Она стояла, копясь носком ботинка в пепле, поднимая облачка чёрной пыли, пока я старался ни обо что не споткнуться, подходя ближе. Казалось, она не обращает внимания вообще не ни что, кроме черноты в воздухе и редких обломков дерева, крошащихся от одного прикосновения.

Она обернулась только когда я стоял прямо у неё за спиной. И нервно вздрогнула, заметив меня.

Мне показалось, что за чёлкой я увидел её глаза.

– Это ты, – выдохнула она. Плечи расслабленно опустились, звякнули амулеты. – Не слишком поздно для тебя?

– А для тебя? – огрызнулся я.

– До комендантского часа еще есть время. И мня не накажут, если я опоздаю.

– Правда? Почему?

– Потому что всем плевать, – бросила она. – Не везде есть злобные Гаммы, которых все боятся.

Стигма не была знакома с Гаммой, но уже не любила её из-за меня и Пси. Она пару раз говорила мне, что Гамма точно ведёт себя глупо, а бояться её ещё глупее. Во время таких разговоров мне искренне хотелось, чтобы они встретились однажды, а я бы посмотрел, во что эта встреча выльется. С безопасного расстояния, чем дальше, тем лучше.

Но сейчас я проигнорировал этот выпад в мою и Пси сторону и сменил тему:

– Что ты здесь делаешь? Гуляешь по пепелищам?

Она могла просто согласиться, я бы понял. Прогулки по пепелищам имеют куда больше смысла, чем бессмысленное хождение по улицам и паркам. Мягкий пепел под ногами, запах гари, чувство запустения – не прекрасно ли?

Но Стигма покачала головой. И вытянула из рукава свитера что-то ярко блестящее в закатном солнце. Это был небольшой стеклянный флакон с грубой деревянной пробкой, доверху наполненный чем-то серым. Пеплом.

– Ты собираешь пепел? – удивлённо спросил я. О таком я ещё не слышал.

– С каждого пожара, – ответила она. – Это мои сувениры.

– Зачем они тебе?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Я хочу, чтобы они у меня были. Мне нравится доставать их, нюхать и вспоминать. В конце концов, – она встряхнула флакон. – Вам же нравятся фотографии.

– Очень.

– А мне нравится пепел, – отрезала она, засовывая флакон обратно в рукав. – У каждого свои предпочтения. Прогуляешься со мной?

– А... куда?

– Туда, – она кивнула в сторону заката. – На новое пепелище.

От такого нельзя было отказаться.

Все мы любим пепелища.

Кто-то больше, кто-то меньше, но мы уверены, что каждому, очарованному идеей поджигания, так или иначе нравятся результаты его или её рук. Даже те, кто не увлекается поджогами, видят в пепелищах что-то необычное и притягивающее.

Но вспомним немного скучной теории. Иначе пепел называют «несгораемым остатком». Отметим, что его можно использовать в качестве удобрения и средства для санитарной обработки, поэтому при случае Вы можете извлечь дополнительную пользу из пожара, например, употребив пепел в своём саду.

Так как эта тема не имеет большого практического значения, мы не будем более на ней останавливаться.

Она снова шла чуть впереди, мне пришлось прибавить шаг, чтобы мы смогли поравняться. Первые несколько минут прошли в неловком молчании. Я не боялся Стигму, но... Она была чужой. У неё была своя жизнь и свои проблемы, абсолютно отличные от наших. Связывал нас только огонь. Даже с Пси и безумно улыбающейся Тетой мне было легче.

Наконец, не выдержав тишины, которая нарушалась только звуком шагов, я спросил:

– Как вы познакомились? С Дзетом. Я никогда не видел тебя у нас.

Она хмыкнула.

– Ты и не мог увидеть, я уже давно не живу в общежитии. А Дзет как-то попал в нашу больницу.

– С ожогами?

– С переломом.

Я вспомнил, как он пропал на неделю, а потом вернулся с загипсованной рукой. И загадочно улыбался в ответ на все вопросы, которых у меня тогда было немало.

– А что ты делаешь в больнице?

– Живу, учусь, работаю, – она откинула с щеки длинную прядь, но так и не открыла глаз. – Я помогаю травматологам, чищу инструменты и мою палаты.

– Звучит не очень.

– Пока да, но через пару лет меня обещают выучить на медсестру, – впервые за всё время я заметил на её губах лёгкую улыбку. Я попытался представить Стигму – мрачную Стигму, с тенью от волос на лице и десятком амулетов – в белом халате. Почти получилось.

– И?

– И... ничего. Я мешала состав для гипса, Дзет сидел рядом, мы разговорились. Он умеет очаровывать.

Я кивнул. Это было сказано очень точно.

– Если тебе интересно, то с Тетой была похожая история. Не знаю, как он нас находит... Это какой-то особый дар.

– Он нас притягивает, – добавил я.

– Вроде того.

Ещё пара кварталов пути прошли в молчании, но уже менее неловком. Наконец мы остановились под не горящим фонарём.

Асфальт здесь был запачкан гарью. Стены близлежащих домов тоже, ветер разносил пепел вокруг. Стигма уверенно двинулась вперёд – прямо в центр пепелища, чёрного пятна на фоне серых зданий. Из рукава свитера она доставала пустой флакон.

– Выглядит здорово, – сказал я. Особенно мне нравилось то, что из-за ветра казалось, что пепел распространяется, захватывая улицу. Черное пятно на сером тротуаре, которое становилось всё больше и больше. Я мог бы представить, как оно захватывает квартал, город, весь мир. Как всё становится одним нескончаемым пепелищем, по которому такие как мы сможем бродить вечно.

Стигма нагнулась, чтобы собрать пепел, её пальцы блестели чёрным. Она ничего не ответила, и, пожав плечами, я отвернулся. Из освещённого окна в соседнем доме кто-то пялился на нас – чёрный силуэт на жёлтом фоне. Я накинул на голову капюшон. Стигма уже отряхивала руки.

– Проводить тебя? – спросил я. Было интересно посмотреть на её больницу.

– Я дойду сама.

– Как хочешь.

Неожиданно она протянула мне ладонь, ту самую, испачканную пеплом. Я пожал её, мои пальцы тоже почернели.

– Ещё увидимся, – бросила она.

Я кивнул, представляя, как она сядет на кровать – мне почему-то представлялась койка в палате – и будет смотреть на блестящие, чёрные флаконы. Так же жадно и замороженно, как я смотрел на фотографии.

И я был уверен, что так и будет. Обязательно. Потому что я мог её понять. Наше сумасшествие было одинаковым, а это главное, что нужно для понимания.

Стигма уходила, а я стоял и смотрел, как её силуэт исчезает в тених улицы.

Через несколько дней я снова незаметно ушёл с собрания. Гамма должна была впасть в ярость, на моём теле должны были расцвести несколько синяков, но Дзет попросил меня о помощи, и я не смог отказать. Пришлось пропустить очередную лекцию по тригонометрии, чтобы пробраться в гараж.

Пси пошёл со мной. Стигма ждала нас у входа, у её ног было свалено несколько канистр.

– Тета не придёт? – спросил я, открывая двери. Замок на них был, и даже не один, но его не закрывали уже давно, а может, и вообще никогда.

– Нет, – бросила Стигма, втаскивая внутрь пустые канистры. Пси зашёл последним, тут же не без труда запер дверь и придвинул к ней пустую бочку для воды. Если бы кто-то, имеющий при себе ключ, решил зайти, створка двери задела бы бочку, предупредив нас.

Он точно был параноиком.

В гараже было пусто и мрачно. Свет проходил только через несколько грязных окон под потолком. Само помещение было большим, даже слишком, и все звуки разносились по нему громким эхом. Машин внутри не было, но нас они и не интересовали. Нам нужно было совсем другое. А именно – множество канистр с бензином, составленных в причудливые башенки у дальней стены. Их правда было много, не меньше нескольких сотен. Я не мог и предположить, зачем нам столько, но было неважно. Главное – их можно было незаметно присвоить.

Стигма и Пси действовали быстро, привычным методом. Она пошла в дальний угол, где из стены торчал кран, у которого лежала большая бесформенная куча брезента. Достала спрятанный под брезентом обычный шланг, подключила к крану. Пси тем временем с моей помощью переливал бензин в наши канистры. Когда мы отставляли в сторону пустую канистру, Стигма тут заливала в неё воду, создавая видимость наполненности.

Четыре наши ёмкости быстро наполнились. Пси выстроил из них ещё одну башенку. Стигма сматывала шланг, а я прятал канистры с водой подальше к стене.

– Вы думаете, никто не догадается? – спросил я у Стигмы, замороженно глядя на её амулеты. Свет отражался на металле, играл бликами, притягивая взгляд.

– Если только не захочет заглянуть внутрь, – флегматично ответила она. – Тебе интересно? – добавила, заметив, куда направлен мой взгляд.

– Ну... – на несколько секунд я растерялся. – Что они значат?

– Много чего, – отложив шланг, она выпутала из связки один амулет, круг с точкой в середине. – Это символ Солнца.

После она показала металлическую закорючку.

– Это греческая буква, которая звучит, как моё имя.

Маленький перевёрнутый топор.

– Символ женской силы и власти.

Круг, в который был вписан крест.

– Астрономический символ Земли.

Я слушал её, механически переставляя контейнеры. Слушал с интересом, так что даже не понял, в чём дело, когда Пси схватил меня за плечо.

Кто-то вставил ключ в замочную скважину.

Горючими называют материалы, которые способны самостоятельно гореть после удаления источника пламени. Иными словами, они будут гореть, даже если вы уберёте и потушите спичку. Они существуют в различных агрегатных состояниях (твёрдые материалы, жидкости, газы).

Если Вы собрались поджигать что-либо, убедитесь, что в этом месте достаточно материалов данного типа. Или воспользуйтесь своими, например, некоторыми горючими жидкостями (см. далее). Или наоборот, если Вам необходимо ограничить область пожара, проверьте местность на наличие чего-либо способного гореть.

С мерзким скрежетом ключ начал поворачиваться в заржавевшем замке. Стигма уронила шланг. Я сжал одну из канистр так, что она хрустнула. Не растерялся только Пси.

Подхватив с пола шланг, он схватил меня за запястье и потянул к груде брезента в углу. Стигма не отставала. Втроём, толкаясь локтями, мы залезли под брезент. Створка ударилась о пустую бочку, эхо разнеслось под потолком, но мы уже успели спрятаться.

Было неудобно, мне в рёбра упиралось чьё-то колено. Я бы возмутился, если бы меня не отвлек чудесный запах. Наверное, кто-то пролил бензин, и брезент впитал в себя часть. Не суть важно, кто и когда, главное, что запах отвлекал меня от всего. Я уткнулся в жёсткую ткань носом и затих. Рядом недовольно сопел Пси, Стигму слышно не было.

Кажется, я выпал из реальности ненадолго. И совсем бы ничего не услышал, если бы Пси не ударил меня под рёбра – ему это было привычно.

– Значит, почти полтонны бензина, – я не узнавал этот тяжёлый, монотонный голос. – И ничего не пропадает?

После заговорил Дзет, и я облегчённо вздохнул. Раз он был здесь, значит, всё было хорошо, значит, нам ничего не грозило.

– Сами понимаете, мы не пересчитываем их постоянно. Но ничего и не должно пропадать. Зачем?

Молчание. Пси рядом затаил дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.